

СЕРДЕЧНАЯ НЕДОСТАТОЧНОСТЬ

рассказ

**Марианна
ДАВЛЕТОВА**

г. Уфа

У Шуры давно болело слева за грудиной. То проходило, то снова нестерпимо жгло. Ездил несколько лет назад на обследование в город. Врач назвал недуг смешным словом — «рефлюкс». Иными словами, проблемы с желудком, ничего страшного.

Шура диагноз толком не запомнила. Хватаясь за грудь, приговаривала: «Рефлекс снова». «Рефлекс» — легче запомнить.

В то утро слепящие лучи солнца ударили в глаза спящей Шуры навязчиво и грубо. Отвернулась на другой бок.

Глухой стук в дверь.

— Шурка, самогонка осталась?! — с улицы пронзительно орала соседка Людка.

Стук сменился настойчивым громыханием. Если не встать сейчас, эта еще долго будет молотиться.

А ведь сегодня у Шуры важный день. Такой бывает у нее только раз-два в году, и надо бы выспаться. А Людка не дает, чёртова баба.

Шура встала, сунула ноги в тапки. Пошла открывать.

Лето, а с утра холодно. Сырость в снях.

Отперев входную дверь, на пороге хозяйка появилась в одной ситцевой ночнушке.

— Чего орешь?!

— Самогонка, говорю, осталась?

У Люды когда-то было миловидное лицо. Теперь щеки скатились вниз, подбородок заострился. Раньше соседка гордилась огненно-рыжей косой, а сегодня седые волосы со следами гранатового цвета краски блестят от жира. Когда она их мыла в послед-

ний раз? Наверное, перед Троицей, на прошлой неделе. Тогда и запила...

Людка глупо улыбалась. И если бы Шура сейчас не пошла в сени за самогонкой, то эта улыбка тотчас бы сменилась гневом, а такой день нельзя было портить.

Вернувшись, хозяйка протянула Людке ополовиненную бутылку.

— Ты это... Сегодня, что ль, едешь? — спросила хрипло та, схватив самогон.

Шура пожалела, что немытая Людка все знает. И зачем ей рассказала?

Когда-то она Людке всё рассказывала — ещё года три назад. Нормальная была, пока ее муж Пашка не умер. Трудлюбивая, корову держала, уток. У Паши отец был местный знахарь, точнее, травник. Паша тоже в травах разбирался. Да и в жизни разбирался куда больше Людки. Лишнего не пил, много работал. А если кто болел в деревне, приносил сбор трав, рассказывал, как их правильно заваривать.

«Бывает так, что один человек умирает, и хорошие отношения в семье тоже умирают», — думала Шура. Будто делал Пашка их всех счастливыми. Травами, что ли, своими всех поил? А вот нет его — и ничего нет. Паша погиб по весне: пошел рыбу ловить и провалился под лед. Людка тогда сразу запила, словно бес вселился, хозяйство своё промотала. Детей в город забрала старшая сестра. Так осталась Людка одна — без коровы, без гусей, главное — без мужа и детей.

Соседка стояла и смотрела на Шуру коровьими глазами. Глаза были большие, как озеро. И такие тоскливые... Казалось, ничего и не осталось на её лице, кроме больших коровьих глаз.

Людка выудила из бездонного кармана юбки стакан, ловко налила в него самогону и заглотила.

— Едешь-то сегодня, что ль? — повторила Людка вопрос, поморщившись после выпитого.

— Сегодня... сегодня... уже спрашивала, — стыдливо ответила Шура, ткнула на бутылку. — Забери всю, мне надо еще поспать...

— Ну, давай, удачи, — соседка икнула и пошла к калитке.

Шура смотрела ей вслед. Волосы Людки спутались на затылке, походка стала шаткой... Когда незваная гостья вышла на улицу, хозяй-

ка прошла к калитке и, раздраженно громыхнув ею, закрыла на задвижку, будто хотела сказать: «Не приходи сюда больше».

«Рефлекс» снова занял. Вспомнила, как Паша сказал еще тогда, три года назад, прямо как провидец, черт его возьми: «У тебя, Шурка, другая болезнь. Никакой не рефлюкс, и никаких трав от нее, от болезни твоей, нет...»

Врач говорил: надо держать диету. А Шура не держала. С тех пор, как мать с отцом умерли, она вообще перестала думать о себе. Теперь все ее хозяйство — шесть куриц и петух, да огород с овощами. Работала она дояркой.

Зайдя в комнату, подошла к шкафу со старым зеркалом. Внизу оно было разбито. И Шура наклеила на место трещины красавицу из журнала. Помнится, раньше они с Людкой выписывали разные журналы, разглядывали фото, вырезали рецепты и вклеивали их в альбом...

Шура посмотрела на своё отражение. Худые руки, вытянутое лицо и улыбка без одного зуба. Если б выпал не передний, выглядела бы иначе... Нелепая стала без него. И это портило всё — молодежавую фигуру, выступающие, как у молодой, ключицы, узкую талию... Вставить зуб — и будет привлекательная женщина... Но зуба нет, значит, улыбаться нельзя.

Кукарекнул петух. Шура вздрогнула. Надо куриц накормить и ехать. В девять утра автобус.

Достала из шкафа платье. Купила его в прошлом году в городском магазине. Зеленое, змеиное... По крайней мере, рисунок был именно такой — змеиный.

Кольнул «рефлекс», словно сухая веревка затянула мышцу.

Сегодня важный день. Не до «рефлексов»...

Шура быстро собралась, закрыла дом и, выйдя из калитки, торопливо пошла по улице к остановке.

— Шу-у-урка! — завидев соседку, протяжно позвала Люда. Она сидела на скамейке возле своего дома.

— Некогда мне! Чего ещё?

— Оставь мне хоть сто рублей. Я потом за тебя помолюсь! Сама знаешь, это тебе нужно, — ехидно улыбаясь, сказала Людка.

Если б не эта улыбочка, Шура дала бы и сто пятьдесят. А сейчас возмутилась:

— Нет, я, значит, с коровами горбатиться буду, а ты — мои деньги пропивать?!

— Неблагодарная ты... — махнула рукой изрядно поддтая Люда.

Шура, не ответив, пошла к дороге.

— А Пашка мой знаешь что говорил?! — кричала ей вслед соседка. — Что сердца у тебя нет! Слабое сердце у тебя! Вот прав был Пашка! Так оно и есть! Сама же знаешь, помнишь, наверное, как ты...

Шура остановилась и, резко развернувшись, вернулась к Людиной калитке:

— Так ты, выходит, и Пашке рассказала всё, овца драная?!

Людка, по-прежнему сидевшая на скамейке, выпрямила спину и с вызовом уставилась на Шуру:

— Я чужих тайн не выдаю. Сам он так говорил. А я удивляюсь, как же он прав был... А в поселке многие уж догадывались... В деревне-то ничего не утаишь, — с насмешкой намекнула.

— А ты на себя посмотри!.. В зеркало-то посмотри. Аленка с Димкой чего к тебе не приезжают, чего их твоя сестра не привозит? — сердилась Шура. — До чего себя довела, дура...

Людка махнула рукой:

— Это деревня, Шурка, тут все пьют. А детей я своих люблю... — сказала она тише, но с напором. — Зря ты тогда так... Зря. Пашка бы вылечил...

Та, не ответив, отвернулась и поспешила на автобус.

До остановки Шура шла по тропинке через поле.

Парило, как бывает перед грозой. А на небе ни облака. Пахло зеленью — летней, сочной.

Вспомнилось отчего-то, как родился у Люды первенец — Димка. Голубоглазый, как с картинки, щекастый бутуз. Подумала Шура тогда: «Если у меня парень и родится, то такой же красивый». Потом у Людки родилась Алёнка — маленькая, с белой кожей и светлыми волосиками. «А если девочка родится, только такая», — любуясь малышкой, решила тогда для себя Шура.

На пути её возникла плотина, тут же сидели рыбаки. Вот так часами и сидят они тут. Ждут, ждут... А потом вернутся в деревню с рыбой — начнется торговля.

Знала Шура: есть местные рыбаки не хотят. Они хотят пить... Пить самогонку, чтобы назавтра иметь силы приехать сюда на своих велосипедах и снова сидеть возле плотины с удочками. Главное, чтобы никто их не отвлекал... Потом будет осень. Рыбаки станут грибниками. Будут искать в лесу грузди — они самые дорогие. За них дадут больше самогонки. И главное, ничего не нужно изобретать, не нужно горбатиться каждый день или искать другую работу. Нет, не зря она тогда, пять лет назад, приняла решение...

На автобусной остановке стояла тетя Зина.

— Шурка, ты в город собралась? — радостно спросила она.

— Да, давненько не ездила... Надо мне, тетя Зин, документы кое-какие забрать... — соврала Шура, потупив глаза.

— А я вот внука домой везу, — гордо отозвалась тетя Зина, показав на мальчика. — Ну, иди сюда, Тимошка! Чего спрятался?

Из-за бабушкиной юбки высунулось личико мальчишки.

Шура улыбнулась:

— Тимошка, привет! Ты меня помнишь? Я тетя Шура... — она протянула к нему руки.

Тимошка оглядел ее, а потом, узнав, обнял. Малыш был теплый, особенно голова, она была горячей.

— Ты не болеешь ли, Тимошка? Горячий какой! — спросила Шура.

Мальчик заулыбался. Как у Шуры, у него тоже не было переднего зуба. Только без него Тимошка не выглядел глупо, в отличие от неё. Беззубая милая улыбка делала малыша беззащитным.

— Конопушки, — легонько дотронулась Шура до носа мальчика.

Он снова заулыбался, спросил:

— Теть Шур, можно я с вами рядом в автобусе сяду? — и прижался к ней.

— По матери скучает, — пояснила тетя Зина с тревожной грустью. — Мать две недели не видел...

В Шуриной груди кольнул «рефлекс» — больно, словно иглу вонзили. Она даже поморщилась.

Заметив на её лице внезапную гримасу боли, тетя Зина забеспокоилась:

— Шурка, ты сама-то не болеешь?
 — Ну что вы, с чего мне? — пересилив себя, ответила Шура.
 — Ой, сейчас хилые все стали... Дочка вон тоже в больнице две недели лежала...
 Услышав это, Тимошка нахмурился. Шура прижала его к себе, спросила:
 — Так теперь-то поправилась?
 — Да операцию сделали... Сейчас уже получше... — сказала тётя Зина, но беспокойство в её голосе не исчезло.
 Стал накрапывать дождь, хотя сегодня не обещали. Все зашли под навес.

Наконец приехал автобус.
 Заняли места в салоне — сели тесно, рядышком. Тимошка уткнулся лицом в Шурино плечо и сразу уснул.

Ехали молча, смотрели из окна на дорогу. На трассе столкнулись две машины. «Лексус» и «семерка». Из «Лексуса» вырывались белые дымные клубы, похожие на облака. Перед «семерки» перекорежило.

Шура припомнила: Пашка часто говорил, что на дороге все равны. Кто из пассажиров пострадал, было не ясно.

— ...А у дочки-то моей онкология, — вдруг тихонько заплакала тетя Зина, выговаривая то, о чём сразу сказать не решилась. — А он мать любит знаешь как!.. А я старая... Шурка, ты его, может, возьмешь, если что?..

«Может, и возьму», — подумала Шура, но вслух ничего не сказала. Слова в такие моменты — самое гнусное.

Так и ехали молча, смотрели в окно. А мимо пролетали лес, дома, люди, машины...

А голова у Тимошки горячая... Такая голова бывает у новорожденных... или у детей, которые долго бегали и разгорячились.

Приехали. Шумный автовокзал. Железо, бензин, выпечка, туалет... Место, где встречаются и провожают.

— Тетя Шура, я к вам приду в гости, когда в деревню вернусь, — шепнул Тимошка на прощание, жалобно заглядывая в её глаза.

Шура подмигнула. А «рефлекс» сжался в груди и стрельнул в руку.

Ей надо на остановку городского транспорта. 220-й автобус. Проверенный городской маршрут.

Несколько остановок от автовокзала — и вот знакомое здание. Ворота с железными прутьями, высокая ограда.

Никакого дождя.
 На детскую площадку высыпали дети. Она наполнилась криками.

Шура дальше не пошла, так и стояла снаружи, прислонившись к оgrade. Тут же березки в ряд, и Шура с ними.

На деревенском кладбище тоже березки. Только в этом году Шура к родителям на могилы не ходила, даже на Троицу. Не захотела.

В домике с цветными башенками, окруженном берёзками, живут дети. Смешные и несчастные.

Пять лет назад оставила Шурка в роддоме свой свёрток. Запомнила она: горячая голова была у младенца. А у самой Шуры, родившей его, никакого «рефлекса» еще не было.

Сейчас мальчишка в красной курточке играл с другими детишками. Красную курточку купила в прошлом году Шура. На вырост. С Людкой передала: тогда она еще так не пила, потому и пустили.

Шура задумчиво смотрела на мальчишку. Не похож на Тимошку. Или, может, чем-то и похож?.. Грустный.

У малыша от рождения косые глаза, букет заболеваний. Еще в роддоме полная, похожая на курицу акушерка говорила Шуре: «Чего?! Домой такого повезешь? В деревню?! Чтобы соседи смеялись? А кто его там лечить будет? Оставь! Богатые люди возьмут в семью, воспитают...»

А нет, не взяли. Так в детский дом и попал. Шурка-то хотела, чтобы счастливым был, при отце рос да в городе, а не в их захолустье.

«Не будет тут в деревне счастливым этот твой... к тому же косой», — узнав, каким родился внук, говорила Шурина мать.

«Без мужа родила, кому он нужен-то такой?» — ворчал отец.

«Будешь жалеть!!! — грозила зареванная Людка. — Будешь ведь, дура!.. Погубишь себя! Если б не мои двое, взяла бы к себе... На ноги бы поставила».

Знала Людка, что говорила. И Шурка знала.

Димка-то Людкин родился с ДЦП. Просто Паша умел делать массаж, понимал, как сына лечить, а жена помогала. Но у самой Шуры мужа нет и не было, надеяться не на кого.

А потом у самой Людки горе — Паша ее умер. Подросшие дети отказались приезжать к матери, когда та совсем спилась.

Да все спились. И родители Шуры тоже. А она сама надеялась ещё, что выберется из деревни, приедет в город, заберет своего мальчишку. Плохая она разве была? И школу окончила хорошо, и техникум... Старалась, матери с отцом помогала. А потом родился вот он...

«Будет, наверно, таким же, как те рыбаки...» — решила Шура, раздумывая о будущем сына. Она и забеременела от такого, хоть и не любила нисколько.

Почувствовав на себе внимательный взгляд, мальчишка в красной куртке уставился на тетю за забором — чужую, в змеином платье и с улыбкой без зуба. Смотрел он пристально, зачарованно, как смотрят в звездное небо в поисках созвездий.

«Может, глазки-то в городе ему ещё и поправят, сердечко подлечат, — думала Шура, улыбаясь ребенку. — Может, будет он еще как Димка Людкин... А такого в деревню пока не надо. Засмеют, ужалят на всю жизнь.

Лучше уж Тимошку взять — благородное дело сделать...»

Вдруг полил дождь. Летний, свежий. Игровая площадка миготнула: малыши убежали под навес.

Шура собралась было идти на остановку, но ноги её подкосились, она схватилась за березу, будто ища в ней опору. Слева больно кольнуло в груди, будто пронзило чем... И закрутилось...

Луг. Дождь собирается, тучи темные ползут. А Шурке нипочем. Бежит она по полю в легком голубом платье, сшитом матерью... Бежит, смеется от радости. Собирает ромашки, гадает на любовь. Людка говорила, что гадание на ромашке самое правдивое. Если «любит», то любовь будет большая и детей — много.

Грохочет гром.

«Не любит». Нет любви.

Малыш кричит, жить хочет. Глазки косенькие, сердечко слабое в груди трепыхается.

Нет любви.

Через час прохожие нашли Шурку возле забора.

Патологоанатом заключил: «Сердечная недостаточность».

□

Марианна Маратовна ДАВЛЕТОВА

родилась в Уфе.

Пишет стихи, прозу.

Публиковалась в журналах «Русское слово»,

«Бельские просторы», «Подъем», «Симбирск» и других.

Автор сборников стихов «Жди» (2004) и «Кусочки ткани» (2020),

а также книги рассказов «Счастье в кармашке» (2018).

Победитель республиканского конкурса поэзии

«Ступени» (Уфа, 2020).

Лауреат конкурса «Северная звезда» (2021) в номинации «Проза».

Участница семинаров молодых писателей в Оренбурге,

Челябинске, Воронеже, Химках, Уфе.

В журнале «Север» публикуется впервые.

